

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОЗАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Вологодский государственный университет (Вологда, Российская Федерация)
rosanov007@gmail.com

СТАРЕЦ АНТОНИЙ (ФЛОРЕНСОВ) И ДЕКАДЕНТЫ

Вопрос о взаимоотношениях бывшего Вологодского епископа Антония (Флоренсова) и группы молодых интеллектуалов начала XX века, связанных с символизмом, представляет интерес как с церковно-исторической, так и с историко-литературной точек зрения. С февраля 1898 года Антоний жил «на покое» в московском Донском монастыре. Андрей Белый не только неоднократно посещает епископа, но и приводит в Донской монастырь близких людей – свою мать, Александру Дмитриевну Бугаеву, А. А. Блока, Н. С. Петровскую, Л. Д. Семенова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и других. Сохранившиеся материалы позволяют определить примерный круг тем, обсуждавшихся на этих встречах: судьбы христианства в современном мире, роль Русской православной церкви в отечественной истории, христианские аспекты семьи и брака, актуализация внехристианской и антихристианской мистики среди современных интеллектуалов. Все это довольно близко к той проблематике, которая обсуждалась на знаменитых Религиозно-философских собраниях в Петербурге, в историческом контексте которых и следует рассматривать беседы в Донском монастыре. Особое внимание в статье уделяется формам и методам «православной педагогики» епископа Антония и его воздействию на умы молодых писателей-символистов. Высказывается предположение, что образ владыки Антония отразился в фигуре аскета из «Кубка метелей» Андрея Белого.

Ключевые слова: старчество, ранний символизм, христианство, внехристианская мистика, Русская православная церковь

Вопрос о взаимоотношениях бывшего епископа Антония (Флоренсова) и группы молодых интеллектуалов начала XX века, «взыскующих Града Небесного», представляет интерес как с церковно-исторической, так и с историко-литературной точек зрения.

На экскурсиях по московскому Донскому монастырю, превращенному при советской власти в музей, гиды обычно показывают покои в монастырской стене неподалеку от главных ворот, в которых в начале 1920-х годов содержался под домашним арестом патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин). Мало кто знает, что ранее в этих комнатах двадцать лет жил бывший епископ Вологодский и Тотемский Антоний, в миру Михаил Симеонович Флоренсов. «Старец-епископ» – так называли его в Москве. Популярность владыки Антония в те годы вполне можно сопоставить со славой знаменитых оптинских старцев. Историк русской церкви митрополит Мануил писал, что владыка Антоний после своей кончины в 1918 году «в Москве считался местночтимым как великий праведник и подвижник. Имя его было занесено во многие сотни и тысячи поминаний верующих Москвы» [2; № 10, 72].

Михаил Флоренсов родился 27 августа 1847 года в многодетной семье пономаря одного из сельских приходов Симбирской губернии. Начальная биография будущего старца-епископа выглядит довольно типично для его времени и сословия. Михаил закончил духовное училище в Симбирске, затем местную духовную семинарию, после чего был рукоположен в священники

в Симбирском кафедральном соборе. В 1874 году, после учебы в Киевской духовной академии, он получил степень кандидата богословия. В 1887 году, овдовев, Михаил принял постриг, и в этом же году был возведен в сан архимандрита. Монашеское имя Антоний было дано ему в память преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. Основной специализацией, если можно так выразиться, для архимандрита Антония стала православная педагогика в самом широком смысле этого понятия, но более всего в то время его интересовали проблемы воспитания и образования духовенства. В этом смысле должность ректора Самарской духовной семинарии, которую он занимал с 1887 по 1890 год, давала ему хорошие возможности для реализации своих педагогических интенций. Старания и успехи молодого ректора были замечены синодальным руководством, и его карьера стремительно продвигалась. В 1890 году Антоний становится епископом Острожским, викарием Волынской епархии, а еще через четыре года, после кончины епископа Вологодского Израила, получает назначение на Вологодскую кафедру. «Вологодские епархиальные ведомости» сообщали: «В воскресенье, июля 10 дня, сего 1894 года, в одиннадцатом часу утра, с поездом железной дороги прибыл в Вологду новоназначенный на кафедру вологодскую Преосвященнейший Антоний, епископ Вологодский и Тотемский»¹.

Среди местного духовенства, встречавшего владыку на вологодском вокзале, был и викарий его епархии Варсонофий, волею судеб ставший

главным оппонентом и противником Антония. Конфликт, расколовший епархиальное духовенство на два лагеря, возник, насколько можно судить, из-за положения дел в духовных учебных заведениях. Владыка Антоний, не без основания считавший себя специалистом в этой области, обнаружил при инспектировании Вологодской духовной семинарии и Вологодского женского епархиального училища серьезные недостатки и даже злоупотребления. Его возмутил низкий уровень подготовки ряда преподавателей, явно недостаточное материальное обеспечение учебных заведений, невнимательное отношение педагогов к здоровью воспитанников. Владыка со своей стороны принял, быть может, слишком резкие меры к исправлению ситуации и нажил себе тем самым немало врагов. В Священный Синод посыпались жалобы и доносы на новоназначенного епископа. Для разрешения конфликта в Вологду приехала специальная синодальная комиссия, которая собирала и документировала свидетельства pro et contra. Протицируем один из документов, представленных сторонниками епископа. Кафедра протоиерей Николай Якубов, отвечая на запрос комиссии, писал: «Преосвященный Антоний – человек души высокой, доброты величайшей, бескорыстия неподкупного, верности долгу беззаветной. Он готов отдать последнее нуждающемуся. О своих личных потребностях и нуждах не заботится, а печется о других, особенно об учащихся детях» [2; № 9, 73].

Комиссия Священного Синода, формально признав правоту епископа, все же поступила по рецепту комендантши из «Капитанской дочки» Пушкина: «Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи». Викарий Варсонофий был переведен на аналогичную должность в другую епархию, а епископ Антоний вынужден был подать прошение об увольнении по состоянию здоровья.

Надо отметить, что субъективно владыка воспринимал свое смещение с Вологодской кафедры как незаслуженную и обидную несправедливость, но будучи истинным христианином никогда не роптал ни на судьбу, ни на своих гонителей. В конце первого года своего пребывания в Донском монастыре он писал в Вологду одной из своих духовных дочерей: «...Часто вспоминаю я о всей Вологде. Один только год я там пробыл. <...> Жаль, что так скоро меня с ней разлучили. Но к утешению моему Евангельская притча о том, что и один час только работавший в винограднике Христовом получил такой же динарий, как и все прочие, работавшие с утра до вечера (МФ; 20, 1–16). Я, как странник и пришелец среди вас: верно, уж так мне суждено. <...> Еще и то к утешению, что и святые не все на вскрытии, а еще больше под спудом. Значит, не всем нужно светить явно, а больше тайно. Одни, как отцы, должны быть на свободе, на воле, а другие, как матери, должны быть в тереме и в затворе. <...>

Теперь я прохожу подвиг материнской любви, но чей подвиг труднее – отца или матери – Вы знаете» [2; № 9, 73–74]. В этом, по-своему замечательном, эпистолярном документе обращают на себя внимание две идеи епископа. Во-первых, манифестируется смена педагогической парадигмы: от прежней официальной, публичной деятельности по воспитанию «чад духовных» («светить явно») к нынешней неофициальной, даже «затворной» («светить тайно»). Это программа старческого служения. Во-вторых, существенны и принятие епископом статуса изгнанника, и явное осознание им привлекательности нового положения. Конечно, чужим («странником и изгнанником») опальный епископ считал себя не по отношению к своим ученикам и сторонникам, как о том говорится в письме, а по отношению к совсем другим лицам и силам, под которыми подразумевались и синодальное руководство, и, видимо, весь современный ему церковный официоз вообще. Положение изгнанника явно добавило владыке Антонию популярности, о чем свидетельствают многочисленные слухи и домыслы о причинах краха так блистательно складывавшейся карьеры. Писательница Н. С. Петровская (Соколова), близкая к московским декадентам, вспоминала, что в ее окружении считали, будто бы Антоний был удален Синодом из Вологодской епархии «за недозволенное совершение чудес» и за несанкционированное использование «дара ясновидения»². В то время в околоцерковных кругах были широко известны два случая чудесных исцелений, совершенных владыкой, но оба они не связаны с Вологдой. Во время торжеств по случаю открытия мощей святого Серафима Саровского в Дивееве в июле 1903 года Антоний излечил глухонемую от рождения девочку, а несколькими годами ранее исцелил слепую женщину [1; 19]. Подобные истории способствовали популярности Антония в народе, но высшая церковная иерархия не одобряла «самодеятельность» опального епископа. Не обращали особого внимания на эти вещи и юные интеллектуалы, приходившие к старцу в Донской монастырь. В религиозных исканиях символистов категории чуда не уделялось большого внимания, чудо осмысливалось как часть веры профанов, народного православия. «Я не знаю, что мне с ними (чудесами. – Ю. Р.) делать, – говорил Д. С. Мережковский, – они мне не интересны, было лишь одно чудо – воскресение Христа»³.

Перманентное, хотя вовсе не демонстративное, подчеркивание своей опалы было важно для Антония и еще по одной причине. Сама закрепившаяся за ним номинация «старец-епископ» содержала в себе известное противоречие, явное даже для внеконфессионального дискурса того времени. Для пояснения обратимся к мемуарам Н. А. Бердяева. Рассказывая о М. А. Новоселове, руководителе московского православного кружка

правой ориентации, Бердяев пишет: «Он признавал лишь авторитет старцев, то есть людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством»⁴. Такие взгляды, по крайней мере в интеллигентской среде, были достаточно распространены, то есть оппозиция «старцы – епископы» была актуальной для сознания многих искателей Града Небесного. Прекрасно сознавая это противоречие, владыка Антоний настаивал на интерпретации понятия «епископ» прежде всего в церковно-историческом ракурсе. Его ученик А. Ельчанинов записал такие высказывания: «Я – епископ Вселенской Церкви. <...> Мы епископы – не даром стоим на орлецах...» [5; 127]⁵. «Помнится около года, – вспоминал тот же автор, – он все требовал от нас (А. Ельчанинова и П. Флоренского. – Ю. Р.) точных справок о слове *επισκοπος*, пытаясь через него проникнуть в смысл слова “епископ”» [5; 124]. Отметим, что семантика, основанная на церковной символике орла, представлена в дискурсе владыки Антония также и в игровом аспекте легкой самоиронии: «Я люблю горный воздух, орлиные места – залететь туда, да и считать оттуда ворон. Последнюю тираду он произнес с большой силой, будто грозясь кому-то. В нем самом сразу проглянуло что-то орлиное» [5; 125].

Первым из молодых московских символистов, называвших себя «аргонавтами», с епископом Антонием познакомился А. С. Петровский – юноша, в те годы серьезно размышлявший о принятии духовного сана. Именно Петровский привел осенью 1903 года Андрея Белого в Донской монастырь. Эта встреча описана Петровским в письме к Э. К. Метнеру от 5 октября: «Недавно были мы с Бугаевым в Москве у епископа (на покое) Антония (бывш~~его~~ Вологодского), того самого, кот~~орый~~ исцелял в Дивееве. Удивительный человек. Его считают одни юродивым, другие сума~~с~~шедшим. На самом деле это человек большой духовной высоты, притом очень тонкого, культурного ума, “знающий шутики”. Прозорливый в высочайшей степени. Легкости духа необыкновенной. Я не могу Вам передать, что он говорил нам. Сначала просто беседовал, о сравнительной латинской грамматике (Frohliche Wissenschaft), после серьезного дифирамба научности какого-то языковеда говорил о значении букв, напр~~имер~~, что *a* – мушина, *y* – женщина и т. д., притом очень метко и очень талантливо. Это часа полтора. Затем полчаса речь была иная. Он сразу вырос до невероятной высоты и силы. Он заговорил о важном: как нам обоим расположить свою жизнь, временно, пока. В словах звучало такое видение, такие намеки (он говорил сначала Бугаеву), что я вздрогнул от неожиданности. Это величайший человек (из пришедших),

какого я когда-либо видел. Он говорил страшно властно, но все время с ласковой улыбкой и подмигивая. Скажет что-нибудь, отчего, поняв, ноги подкосятся, и смотрит, улыбаясь: понял ли? Однажды Бугаев попытался свернуть разговор на свою любимую тему, апокалиптич~~еского~~ характера, как бы невзначай вставив фразу о появившихся *новых* болезнях. Антоний с хитрой улыбкой подмигнул мне и сказал: “Ишь что выдумывает. Хитрый!”, на что мне оставалось тоже смеяться подмигнуть, что и я, мол, понимаю, куда клонит: хитрый. Голос у него громкий, резкий. Очень хороши глаза» [7; 22]. В перечне основных событий своей жизни в этот период Белый указал «появление епископа-“субъективиста”» [3; 290]. Взятое Белым в кавычки слово «субъективист» означает, очевидно, отсылку к самохарактеристике Антония: «Субъективизма у меня много...» [5; 290]. В последующие полгода Андрей Белый не только неоднократно сам посещает епископа, но и приводит в Донской близкий людей – свою мать, Александру Дмитриевну Бугаеву, А. А. Блока, Н. С. Петровскую, Л. Д. Семенова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и других. После знакомства с владыкой Блок писал матери: «14-е среда. Утром: мы, Бугаев, Петровский и Соколова едем в Донской монастырь к Антонию. Сидим у него, говорим много и хорошо. Любе – очень хорошо, многое и мне. О Мережковском и “Новом пути”. Обещал приехать к нам в Петербург. Прекрасный, иногда грозный, худой с горящими глазами, но без “прозорливости”, с оттенком иронии, О схиме, о браке» (письмо от 14–15 января 1904 г.)⁶. «Мятежным и удивительным» назвала епископа Антония Зинаида Гиппиус⁷. А поэт Леонид Семенов, бывший одно время толстовцем, вполне искренне говорил: «Я не знаю, кто больше – Толстой или этот епископ»⁸.

Сохранившиеся материалы позволяют определить примерный круг тем, обсуждавшихся на этих встречах: судьбы христианства в современном мире, роль Русской православной церкви в отечественной истории, христианские аспекты семьи и брака, актуализация внехристианской и антихристианской мистики среди современных интеллектуалов. Все это довольно близко к той проблематике, которая обсуждалась на знаменитых Религиозно-философских собраниях в Петербурге и на более скромных заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, в широком историческом контексте которых и следует рассматривать беседы в Донском монастыре.

В перечне тем, волновавших епископа-старца, совершенно особое место занимали темы психологические, именно они составляли его «специализацию». «Вопросы индивидуальной психологии, характерологии и биографии занимали владыку прежде всего как духовного руководителя множества разнообразных душ:

от торговца квасом до профессора Московских клиник. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психо-физиологии, к той области, где душевные проявления стоят в связи с физическим складом человека, к вопросам расы, породы, крови, темперамента. Справками из этих областей он часто мудро объяснял и разрешал запутанные положения и сложные вопросы, с которыми к нему обращались его духовные дети», — вспоминал А. Ельчанинов [5; 122].

Главная цель посещений А. Белым Донского монастыря, никогда им не называемая прямо, может быть только приблизительно прояснена из следующего мемуарного отрывка: «...А. С. Петровский... меня вез к прозорливому епископу на покой (sic! — Ю. Р.), к Антонию, личности замечательной и одаренной прозрением. Антоний, впери в меня сини зрачков, оправляя белейшую шелковистую бороду, сам принимался бросать искрометно словами; и вспыхивали сияющие недомолвки из слов; и вставало все то, о чем плакало сердце: но не было в этих сияниях венков; не было “аргонавтов”; вставали над вечным покоем упорные шепоты Сарова. И после Антония наши слова о мистерии, о соборности, о братстве казались крикливыми, явно лишенными ритма; но я, стиснув зубы, пытался привить тихий ритм аргонавтам; “аргонавты” галдели...»⁹. Если отвлечься от специфической лексики раннего московского символизма и от «скачущей» манеры мемуариста, то речь идет о не очень ясных еще и самому Белому попытках гармонизации творчества «аргонавтов» на христианских основаниях, освященных традицией, а не на собственных псевдохристианских выдумках вроде «мистериальности» или «соборности». «Соборность», впрочем, относится уже к следующей фазе развития символизма. Время для такого синтеза символизма с христианством в 1903–1904 годах еще не настало.

Не очень помогло в плане личного приобщения к православию и предпринятое Андреем Белым вместе с матерью по совету владыки паломничество в Саров, которое состоялось в конце августа — начале сентября 1904 года. Судя по «Материалам к биографии», в духовном отношении поездка была не очень удачной: «Саров производит на меня странное, почти тягостное впечатление... Очень мне не понравились монахи; на другой день мы отправились к источнику св. Серафима... меня поразили больные, бесноватые, в большом количестве встречавшиеся по дороге к источнику; после мы к вечеру уже поехали в Дивеево; Дивеево, наоборот, произвело на меня сильнейшее впечатление»¹⁰.

Более личные, можно сказать, интимные вопросы также затрагивались в беседах епископа Антония с Андреем Белым. Болезненно экзальтированный «гений московского символизма» обрушил на старца свои апокалипсические

предчувствия, смутные фобии и фантастически мотивированные подозрения. Позже Белый вспоминал, что он даже ездил советоваться с епископом Антонием по поводу «медиумических явлений» — «шорохов, стуков и шепотов», возникающих вокруг него. В трансляции всего этого Андрей Белый вполне серьезно обвинял... Валерия Брюсова. Понятно, что в таких ситуациях педагогика Антония не работала.

Или еще более деликатный сюжет. Нина Петровская вспоминает об одной беседе со старцем, состоявшейся 14 января 1904 года: «Почему Антоний выбрал очень странную тему разговора, до сих пор не понимаю. Говорил он, точно читал реферат перед аудиторией, именно на него и собравшейся, о девстве и материнстве, о половом аскетизме и браке. Девство и аскетизм, по-видимому, не отвечали религиозному идеалу епископа Антония. Петровский многозначительно посмотрел на Белого... А. Белый с бледным сосредоточенным лицом, вероятно, одним ему понятным методом расшифровывал смысл неожиданного монолога. Блок опустил глаза...»¹¹. Сейчас, когда опубликованы многие личные документы деятелей культуры Серебряного века, можно легко восстановить подтекст этой мемуарной записи. Между Андреем Белым и Ниной Петровской еще весной 1903 года возникла довольно сильная взаимная симпатия. Но если Белый любил молодую женщину исключительно «мистически» и стремился превратить их отношения в «мистерию», что казалось ему верхом близости между мужчиной и женщиной, то Нина Петровская хотела обычной земной любви. Конфликт, таким образом, нарастал. И вот в этот момент влюбленные слышат «реферат» старца с критикой полового аскетизма. Через несколько дней, как пишет Белый в «Материалах к биографии», «произошло... мое падение с Ниной Ивановной; вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман»¹². Не совсем ясно, было ли здесь простое совпадение, или старец, чувствуя ситуацию, специально выбрал тему беседы. Петровская и Белый, похоже, считали, что «прозорливый» Антоний так поступил умышленно. В любом случае старец говорил вполне искренне, выражал свои глубоко продуманные убеждения. Замечательной параллелью к его словам служит мемуарное свидетельство А. Ельчанинова: «Семью, семейную жизнь Владыка ставил очень высоко: у него было очень яркое представление дома, очага, семьи в их первичности, праведности, благословенности. <...> У Владыки были точно выработанные представления об условиях удачного соединения в браке, особенное внимание он отдавал “породе”, сословию, национальности, даже происхождению из той или иной губернии» [5; 122]. Ссылка на епископа Антония как на человека, много размышлявшего о христианском браке, содержится

во втором издании книги В. В. Розанова «Люди лунного света» (раздел «Поправки и дополнения Анонима»).

Не менее искренен в своей обиде был и Андрей Белый. О полном разочаровании поэта в недавнем кумире и наставнике свидетельствует письмо Белого Блоку, приблизительно датированное апрелем – маем 1904 года: «Ты не то что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал такое незнание меня и в то же время так грубо определил насильно, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы»¹³. 4 мая о своем разрыве с епископом Белый сообщил и А. Петровскому: «У Антония не был. Бог с ним. <...> Наши дороги разные – вот и все»¹⁴. Летом того же года в письме к П. Флоренскому Белый пытается объяснить ситуацию не столько для своего адресата, восторженного поклонника епископа, сколько для себя. Характерно, что Белый подхватывает «горную» образность из самохарактеристики епископа: «Антоний производит на меня какое-то чересчур сильное действие. Я чту его, более, чем кто-либо, сознаю безмерность силы, таящейся в нем, но... есть люди из степей и раздолий, сознающие потрясающее действие горного пейзажа, но все же... их тянет к широким степным раздолиям» [8; 461]. Тем не менее в 1913 году в большом исповедальном письме другу юности С. М. Соловьеву А. Белый называет свои «беседы с Антонием» (среди некоторых других событий и идей) «красной нитью всей моей жизни, всего моего человечества, моего творчества»¹⁵.

Интересно, что и после разрыва отношений епископ Антоний продолжал внимательно наблюдать за перипетиями судьбы Андрея Белого, он общался с матерью поэта, у них было несколько общих знакомых. Особенно огорчило владыку увлечение Белого теософией. Вновь обратимся к мемуарам А. Ельчанинова: «Из своего заточения Владыка зорко следил за современной жизнью; он был в курсе многих течений, которыми бурлила Москва в мутный период 1908–10 г.г. <...> Особенно близко к сердцу принимал он частые среди молодежи увлечения... мистикой. В связи с этим он много мне говорил о поэте Б. – Это юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если

бы ко мне сам обратился – это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я начал бы понемногу. Сначала попросил бы его показать мне какое-нибудь свое произведение. Потом стал бы анализировать его, но только не главное, а так, какую-нибудь мелочь, чтобы через эту городьбу постепенно подобраться к главной его цитадели. <...> Он плохо кончит. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, он эти опыты (развития в себе оккультных сил) давно уже стал делать... Ему нужны точные, научные знания, а не фантазия и субъективизм» [5; 125]. Все эти мысли старца Антония, вся его «педагогика», по сути вполне позитивистская, совершенно несовместимы ни с ментальностью Андрея Белого, ни с доктриной русского символизма. Любопытно только, узнал ли себя суровый аскет с длинной белой бородой в образе епископа из «Кубка метелей» – четвертой симфонии Андрея Белого? Есть предположение, что Антоний изображен и в образе духовного пастыря молодежи в романе В. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)» [4; 183].

Существует и еще одна, явно мифологизированная версия ухода А. Белого от епископа-старца. Она изложена без ссылок на источники в «имяславской» статье священника Александра Мумрикова. Отец Александр пишет: «И вот приходят два юноши: будущий Андрей Белый (тогда еще Борис Бугаев, сын профессора математика Бугаева) и Павел Флоренский, будущий отец Павел. И епископ Антоний Флоренсов попросил их принести свои натальные карты! Он сказал, что выбирает своих чад именно по такому принципу: сначала смотрит карты рождения и прикидывает, справится ли ученик с изменением, преобразованием собственной личности или же ему нужно искать другого наставника. И вот Павел Флоренский и Андрей Белый принесли свои карты рождения, епископ посмотрел их – и Андрея Белого не взял в свои духовные чада. А Павлу Флоренскому, который собирался идти в монастырь, сказал – что его путь – семейная жизнь и преподавание в духовной академии, причем преподавание философии...»¹⁶.

Если в отношении Андрея Белого эта история не выглядит убедительной (не мог православный пастырь отвергнуть ученика по показаниям астрологии), то суть взаимоотношений епископа Антония с П. Флоренским изложена достоверно. Старец действительно сыграл важную роль в судьбе Флоренского, существенно повлиял на его духовную жизнь и творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вологодские епархиальные ведомости. 1894. № 15. С. 217–218.

² Петровская Н. И. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С. 48.

³ Цит. по: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 26.

⁴ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 173–174.

⁵ «Орлецы – небольшие круглые ковры с изображением одноглавого орла, имеющего сияние вокруг головы и парящего над городом. Стоять на орлецах при богослужении дозволяется только архиереям... Вид города на орлеце указывает на

- епископство в городе, орел – на высоту и чистоту богословского учения епископа, сияние над головою орла – на свет от учения епископа» (Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXII. СПб., 1897. С. 155).
- ⁶ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. VIII. М.; Л., 1963. С. 84. Впрочем, в позднейших воспоминаниях А. Белый сетовал, что Блок «не заметил» епископа Антония (Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 72).
- ⁷ Гиппиус З. Воспоминания. М., 2001. С. 151.
- ⁸ Цит. по: Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке... С. 72.
- ⁹ Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке... С. 49.
- ¹⁰ Цит. по: Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. ст. М., 1999. С. 427–428.
- ¹¹ Петровская Н. И. Воспоминания // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С. 48.
- ¹² Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 161.
- ¹³ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. С. 151.
- ¹⁴ Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы... С. 167.
- ¹⁵ Белый А. «Единство моих многообразий...» Неотправленное письмо Сергею Соловьеву / Публикация А. В. Лаврова // Москва и «Москва» Андрея Белого... С. 405.
- ¹⁶ Мумриков А. Ваше святое имя // Урания. 1997. № 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангел-утешитель: Материалы к жизнеописанию епископа Антония (Флоренсова) // Духовный собеседник. 2011. № 3. С. 11–23.
2. Андроник, иеродиакон. Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9. С. 71–77. № 10. С. 65–73.
3. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.
4. Взыскующие града. Хроника духовной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 752 с.
5. Ельчанинов А. Епископ-старец. (Воспоминания об епископе Антонии Флоренсове) // Путь (Париж). 1926. № 4. С. 121–128.
6. Иванова Е. В. Андрей Белый и епископ Антоний (Флоренсов) // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. М.: Наука, 2008. С. 81–87.
7. «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 296 с.
8. Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М.: Языки славянской культуры, 2004, 670 с.

Rozanov Yu. V., Vologda State Pedagogical University (Vologda, Russian Federation)

ORTHODOX ELDER ANTHONY (FLORENISOV) AND DECADENTS

The question of relationships between the former Vologda bishop Anthony (Florensov) and a group of young intellectuals of the beginning of the XXth century, connected with symbolism, is interesting from both church-historical and historical-literary points of view. Since February 1898, Anthony lived “on rest” in Moscow Donskoy Monastery. Andrey Bely repeatedly visited the bishop and also brought to the monastery his close people – his mother, Aleksandra Dmitriyevna Bugayeva, A. A. Blok, N. S. Petrovskaya, L. D. Semenov, Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovsky and others. The remained materials assisted in determination of approximate questions discussed at these meetings: the destiny of Christianity in the modern world, the role of the Russian Orthodox Church in national history, Christian aspects of the family and marriage, updating of extra Christian and anti-Christian mysticism among modern intellectuals. All these problems are quite close to that perspective, which was discussed at the same time at the well-known religious and philosophical meetings in Saint-Petersburg. It is necessary to consider discussions held in Donskoy Monastery in this historical context. In the article, special attention is paid to the forms and methods of “orthodox pedagogics” employed by bishop Anthony and to his impact on the minds of young symbolists. It is suggested that the image of the lord Anthony was reflected in a figure of the ascetic from “A Cup of Blizzards” by Andrey Bely.

Key words: Spiritual eldership, Early Russian symbolism, Christianity, extra Christian mysticism, Russian Orthodox Church

REFERENCES

1. Angel paraclete: Materials to the biography of the bishop Antony (Florensov) [Angel-uteshitel': Materialy k zhizneopisaniyu episkopa Antoniya (Florensova)]. *Dukhovnyy sobesednik* [Spiritual interlocutor]. 2011. № 3. P. 11–23.
2. Andronik, ierodiakon. The bishop Anthony (Florensov) – the confessor of the priest Pavel Florensky [Episkop Antoniy (Florensov) – dukhovnik svyashchennika Pavla Florenskogo]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Magazine of the Moscow Patriarchy]. 1981. № 9. P. 71–77. № 10. P. 65–73.
3. Belyy A. *Nachalo veka* [The beginning of the century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 687 p.
4. *Vzyskuyushchie grada. Khronika dukhovnoy zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikakh* [Seeking towns. The chronicle of spiritual life of the Russian religious philosophers in letters and diaries]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1997. 752 p.
5. El'chaninov A. Bishop-Orthodox elder. (Memories about the bishop Anthony Florensov) [Episkop-starets. (Vospominaniya ob episkope Antonii Florensove)]. *Put'* [Way]. Paris, 1926. № 4. P. 121–128.
6. Ivanova E. V. Andrey Bely and bishop Anthony (Florensov) [Andrey Belyy i episkop Antoniy (Florensov)]. *Andrey Belyy v izmenyayushchemsya mire. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Andrey Belyy in the changing world. To the 125 anniversary since birth]. Moscow, Nauka Publ., 2008. P. 81–87.
7. “Moy vechnyy sputnik po zhizni”. *Perepiska Andrey Belogo i A. S. Petrovskogo: Khronika druzhby* [“My eternal companion of life”. Andrey Bely and A. S. Petrovsky's correspondence: chronicle of friendship]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 296 p.
8. *Pavel Florenskiy i simvolisty. Opyty literaturnye. Stat'i. Perepiska* [Pavel Florensky and the symbolists. Literary experiences. Articles. Correspondence]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 670 p.

Поступила в редакцию 23.09.2015